

БОРИС БЕЛЕНЦОВ

ПОЗЫВНОЙ
МИХА

ПОВЕСТЬ

18+

Борис Беленцов
Позывной Миха

«Автор»

2026

Беленцов Б.

Позывной Миха / Б. Беленцов — «Автор», 2026

Через трудную, порой драматическую судьбу молодого парня в повести описаны события на Донбассе в 2014–2023 годах.

© Беленцов Б., 2026

© Автор, 2026

Борис Беленцов Позывной Миха

БОРИС БЕЛЕНЦОВ

ПОЗЫВНОЙ «МИХА»

Повесть

Челябинск, 2025

УДК 821.161.1

ББК 84(2РОС-РУС) 6

Б 431

Беленцов, Б.

Б 431 Позывной «Миха»: Повесть / Б. Беленцов. – Челябинск: Абрис-принт, 2025. – 128 с.

ISBN 978-5-6053740-3-9

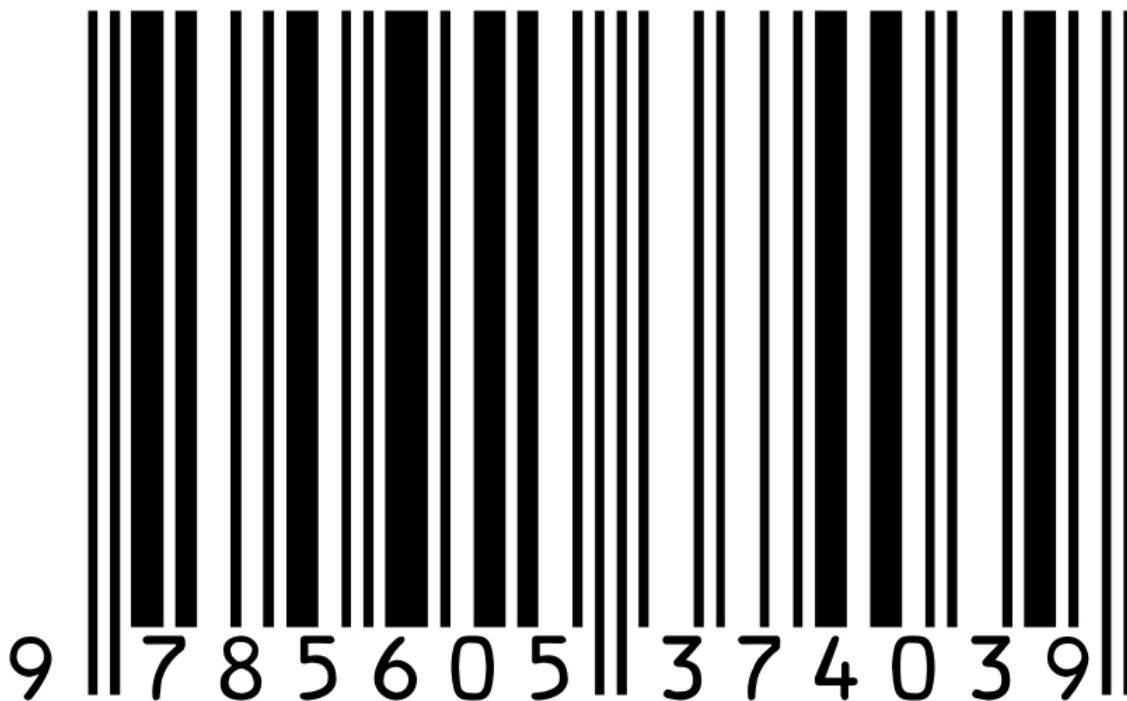
Повесть «Позывной Миха» рассказывает о драматической судьбе молодого парня Владимира Михайлова. Описанные события происходят на Донбассе в 2014-2023 годах. Автор выражает благодарность всем, кто причастен к выходу в печать данной книги.

ISBN 978-5-6053740-3-9 УДК 821.161.1

ББК 84(2РОС-РУС) 6

© Беленцов Б., 2025

ISBN 978-5-6053740-3-9



Подписано в печать 21.11.2025. Формат 60×84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 7.44. Тираж 100 экз. Заказ 1195.

Отпечатано в ООО «Абрис-принт»
454008 г. Челябинск, Комсомольский пр., 2, оф. 203

Позывной «Миха»

Повесть

Война никого не ласкала –

Любимчиков нет у неё...

/Борис Беленцов/

Глава 1

ОПОЛЧЕНЕЦ

Набросав на землю соломы, ополченец с позывным Миха, достав восьмикратный полевой бинокль, поудобнее устроившись, начал уже в который раз внимательно рассматривать родительский дом, в котором он прожил двадцать пять лет. Дом стоял на окраине посёлка в каких-то четырёхстах метрах от того места, где находились их боевые позиции. Казалось бы, ну что такое четыреста метров – рукой подать, однако, как говорится, близок локоть, да не укусишь... Сколько он ни всматривался, ища каких-то изменений, – на родном подворье было всё так же, как четыре месяца назад, когда он, покинув его, ушёл в неизвестность. Понаблюдав минут десять за своим и соседними домами, Миха перевёл бинокль на находящуюся поодаль от посёлка шахту. Его взгляду открылась неприглядная картина: с крыши здания шахтоуправления взрывами мин и снарядов были сорваны листы шифера, а выбитые взрывной волной окна зияли чёрными незрячими глазницами. Самое высокое сооружение, расположенное на шахтной поверхности, – копёр клетьевого ствола – был наполовину разрушен и посечён оскол-

ками. Да это и понятно, на нём до недавнего времени развеялся флаг Донецкой Народной республики. «Укропов» это приводило в бешенство; снять его они не могли, поэтому долбили по копру целыми днями из всех видов артиллерии, пока наконец не разрушили. Тяжело вздохнув, Миха отложил бинокль в сторону и закрыл глаза, и тут же из самых укромных уголков памяти нахлынули горькие воспоминания...

Четыре месяца назад он, Володя Михайлов, как и большинство мужиков, проживающих в посёлке, зарабатывал себе на жизнь тяжёлым и опасным шахтёрским трудом и никогда не интересовался политикой. Он так же, как и остальные, рискуя жизнью, ежедневно спускался под землю, на четвереньках ползал по забою; отработав смену, грязный, усталый, похожий на чёрта из преисподней, поднимался на-гора. Ему было совсем неинтересно, что там происходит на Майдане. «Это они с жира бесятся. Побузят и разойдутся», – говорили его друзья, и он с ними был согласен. И даже когда киевские власти бросили на усмирение мятежного Донбасса регулярные войска и начались обстрелы и бомбёжки городов, шахта продолжала давать уголь. А потом случилась беда. Однажды, солнечным майским днём, отработав смену, поднявшиеся на поверхность горняки узнали, что час назад посёлок обстреляла украинская артиллерия. От этой новости Володе почему-то стало очень тревожно, и он помчался домой. Заскочив в хату и никого в ней не обнаружив, парень выбежал в огород. Там, на дальнем конце участка, где семья всегда сажала картошку, в неестественных позах лежали отец, мама и младшая сестрёнка. Ещё не осознавая, что произошло и почему они лежат на земле, Михайлов понёсся к ним. Но когда на полпути до лежащих родных он увидел большую воронку, то сразу всё понял... Ноги мгновенно стали ватными, а мозг пронзила мысль: «Нет! Не может быть! Как же так?» Упав на землю, Володя по-волчьи завыл...

Сколько пролежал в забытьи рядом с телами своих родных, он не помнил... Помнил только, что очнулся оттого, что кто-то, тронув его за плечо, сказал: «Ты жив, Вовка?» Подняв голову, он увидел стоящего над ним соседа дядю Васю. «Жив», – чуть слышно прошептал парень. «Что делать собираешься?» – снова задал вопрос сосед. «Похоронить помогите, дядь Вась...»

Этой же ночью они с соседом прямо на огороде, выкопав общую могилу, похоронили родителей и сестру. «Вот и всё, я остался совсем один на белом свете, – горестно думал он, стоя у могилы, – хотя, нет – есть ещё Петька. Нужно позвонить ему – сообщить о горе». Петька был его старший брат, уехавший много лет назад учиться в Киев и после учёбы прижившийся в столице. Вовка тут же, чтобы не забыть, достав телефон, набрал номер брата. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны обслуживания», – ответил приятный женский голос. «Ну ладно, потом сообщу...» – подумал парень.

После похорон он, поклявшись на могиле родных за всё отомстить, собрав самые необходимые вещи, уехал в Донецк. Там Вовка записался в ополчение и под позывным Миха уже четыре месяца воевал против «укропов». Война на Донбассе шла с переменным успехом, но в августе после Иловайского котла ополченцы перешли в наступление и, к радости Михи, вышли на окраину его родного посёлка. Но тут появились на свет Минские соглашения, и наступило шаткое перемирие. Противоборствующие стороны закрепились на достигнутых позициях, а родной посёлок Михи оказался в серой зоне, то есть на нейтральной полосе.

Перебрав в памяти все эти события, он опять взял бинокль и стал изучать обстановку в посёлке. Понаблюдав минут десять и не заметив ничего подозрительного, парень решил: «Пойду сегодня ночью». Желание навестить родной дом возникло у него ещё в первый день прибытия на боевые позиции. Хотелось побывать на могиле своих родных и забрать дорогие сердцу вещи: подаренный мамой образок Богородицы и семейные фотографии.

Договорившись с командиром, что к утру вернётся, Миха ближе к полуночи отправился в посёлок. К счастью, ночь выдалась безлунная, но все равно, опасаясь нарваться на засаду, парень, сняв с предохранителя автомат и дослав в ствол патрон, шёл, часто останавливаясь

и прислушиваясь к подозрительной тишине. Перемахнув через невысокий заборчик, он оказался в собственном огороде. Молча постояв у могильного холмика и мысленно поговорив с родителями и сестрёнкой, Миха, стараясь не шуметь, по-воровски подошёл к хате. Не услышав ничего подозрительного, он открыл дверь и проник внутрь. Вместо привычных запахов, которые встречали его каждый раз, когда он возвращался домой, на него пахнуло сыростью, плесенью и ещё чем-то незнакомым. В кромешной темноте парень, отыскав семейный альбом и образок Божией Матери, уже хотел было уходить, как со двора донёсся скрип калитки и чьи-то осторожные шаги. «Мародёр “укроповский”», – подумал парень и стал рядом с входной дверью. Через несколько секунд дверь отворилась, и в комнату крадучись вошёл человек. Когда он переступил порог, Миха молча уткнул ему в спину ствол автомата. От толчка мародёр вздрогнул и застыл на месте. А дальше произошло следующее. Вовка не успел даже командовать, чтобы незваный гость лёг на пол, как тот резко прыгнул в сторону. Усвоив закон войны, кто первый выстрелил, тот и остался жив, Миха, нажав на курок, автоматной очередью от стены до стены прошёл комнату. Звонко защёлкали выбрасываемые из патронника гильзы, и незнакомец рухнул на пол. «Только бы он был один, а иначе мне не выбраться...» – подумал парень. Постояв несколько минут, прислушиваясь к тому, что происходит на улице и не услышав ничего подозрительного, он уже собрался уходить, как, разорвав напряжённую тишину, прозвучала трель мобильного телефона. Не зная, зачем он это делает, Володя, достав мобильник убитого мародёра, нажал клавишу и приложил его к уху. И сразу же певучий женский голос затараторил из трубки: «Петь, как у тебя дела? Почему ты не звонишь? Ты же говорил, что сегодня пойдёшь в посёлок свою хату проведать... Петь, ну что ты молчишь?» И хотя Миха понимал, что ему нужно уходить, в словах звонившей что-то его насторожило. Выключив телефон, он, щёлкнув зажигалкой, тусклым пламенем осветил лежащего на полу человека. Тот был одет в натовскую камуфляжную форму, на правом рукаве которой был пришит жовто-блакитный флажок, на голове убитого была каска, а лицо обрамляла реденькая бородка. Что-то знакомое показалось парню в этом лице, но из-за бородки и тусклого света он не сразу узнал, кто это, а когда узнал, ужаснулся. На полу лежал его родной брат Петька!

Просидев полночи в тёмной комнате с убитым братом, Миха, когда начало светать, похоронил его рядом с родными. Затем, не видя ничего перед собой потухшими глазами, сняв каску с побелевшей за ночь головы, словно пьяный, шатаясь из стороны в сторону, побрёл к своим боевым позициям.

Глава 2

АВТОСЛЕСАРЬ

Смена подходила к концу. Откручивая гайки крепления амортизатора старенького жигулёнка, Володя Михайлов, год назад служивший в ополчении и носивший позывной Миха, уже не в первый раз думал: «Как же так получилось? Была семья: отец, мать, брат, сестрёнка, а теперь никого. Чем же мы прогневили Бога? Чем провинились перед ним? С людьми жили в ладу, трудились не покладая рук, не воровали, никому не желали зла... За что же такое наказание?»

Смерть родителей и сестры, погибших от украинского снаряда, поселили в его душе ненависть к «укропам» и желание отомстить за близких. А нелепое убийство брата Петьки помутило сознание так, что он не знал, как поступить: мстить или каяться?

Вернувшись утром в расположение взвода после того страшного события, Миха, не вдаваясь в объяснение, сказал командиру роты, что больше воевать не хочет. Ротный, до войны работавший комендантом студенческого общежития и по этой причине носивший позывной Комендант, внимательно посмотрев на парня, не стал задавать вопросы о причинах, а молча подписал рапорт о увольнении. Протягивая бумагу Вовке, он спросил: «Дальше-то что делать

собираешься?» Неопределённо пожав плечами, тот ответил: «В Донецк поеду...» Командир, зная не понаслышке про жизнь в столичном городе, оценивательно посмотрев на него, подумал: «Помочь надо – иначе пропадёт...» А вслух произнёс: «Вот что, я тебе записку дам. По ней тебя поселят в общежитие. Поживёшь, осмотришься... Конечно, это не “Метрополь”, но на безрыбьи и рак – рыба».

Донецк, столица молодой непризнанной республики, на тот момент, как и сама республика, представлял территорию без власти и законов. Нет, конечно, какая никакая власть существовала, но она была так слаба, что иногда казалось – её нет. Сам город выглядел мрачным, угрюмым и неприветливым.

Михайлов, бежавший от войны и крови, надеялся затеряться в столице среди людей и забыть, утопить в делах и заботах воспоминания об убийстве брата. Но большой город встретил его пустыми улицами, постоянными обстрелами, частыми диверсиями, откуда-то возникшими мародёрами и ночными патрулями, стрелявшими без предупреждения. Поймать случайный осколок или пулю здесь было так же легко, как и на фронте. Ранее процветавший город оказался мертвецом.

Жильё и работу в столице найти было практически невозможно. И Вовка не единожды вспомнил добрым словом своего ротного. Его записка стала пропуском в общежитие индустриального техникума. Комендант общежития, симпатичная женщина, на вид чуть за тридцать, прочитав её, приветливо улыбнувшись, сказала: «Просьба Сергея Павловича для нас закон». Студенты находились на каникулах, общежитие было полупустым, и Миха по-королевски жил в комнате один.

Помотавшись почти месяц по городу в поисках работы, посетив все близрасположенные шахты и предприятия, он впал в отчаянье: кончались лето и деньги, а впереди никакого просвета. В голове даже мелькали мысли вернуться на фронт.

Помог случай. Однажды, возвратившись вечером в общагу, Вовка обнаружил у себя в комнате одетого в камуфляж мужчину. Представившись заместителем командира интернационального батальона, он, оправдываясь за причинённое неудобство, поспешил сообщить, что его подселили только на одну ночь. Сказав, что его позывной Сивый, мужчина достал из армейского рюкзака бутылку коньяка, палку сырокопчёной колбасы, хлеб, сыр и пригласил парня к столу.

После второй рюмки Михайлов, расслабившись, пожаловался Сивому, что не может найти работу. Тот молча нацарапал карандашом что-то на клочке бумаги и протянул парню: «Позвонишь по этому номеру. Скажешь, что от меня, и Витёк расшибётся, но пристроит тебя на работу». Когда на следующий день Миха позвонил Витьку, тот действительно помог, и вот уже второй год Вовка работал в автосервисе, располагавшемся в нескольких гаражах на окраине города.

Коллектив автосервиса был небольшой и непостоянный. Так как директор в основном руководил производством по телефону, на месте бразды правления были в руках мастера Николая Сергеевича, работавшего до войны главным инженером таксопарка, и бригадира Витька – шустрого прибалтнённого парня неопределённого возраста с густо покрытыми синими татуировками руками. Кроме ремонта, в сервисе занимались ещё разбором легковушек на запчасти. И если за ремонт отвечал мастер, то за разбор – бригадир.

Развинчивание машин на запчасти не требовало специальной подготовки. Крути да крути гайки. И Михайлова, до войны работавшего на шахте электрослесарем, она полностью устраивала. Тем более, что платили за неё неплохо и регулярно.

В основном на разборку привозили автомобили, посечённые пулями и осколками. И это никого не удивляло. Удивительно было, когда приходилось развинчивать совершенно нетронутые войной «Жигули», «Нивы», «Волги», а иногда даже иномарки. Откуда поступали такие машины, знали только директор и бригадир. Все, конечно, догадывались, что дело тут не

совсем чистое, но предпочитали лишних вопросов не задавать. Не интересовался этим и Миха. «Твоё дело крутить гайки, а не совать нос куда не следует. Тебе помогли, и будь благодарен людям», – думал он.

За год пребывания в коллективе автосервиса, Вовка не приобрёл здесь ни друзей, ни приятелей. Если шахтёров и ополченцев сближала ежеминутная опасность, то здесь такого не было. Да и работавшие с ним слесари часто менялись и в большинстве своём были намного старше и имели семьи. По этой причине найти общие интересы было сложно.

Конечно, здесь, как и везде, отмечали дни рождения и другие праздники. В такие дни женщины: кладовщица Клава и бухгалтерша Людмила Васильевна, после смены накрывали в конторе стол с нехитрой закуской и выпивкой. После первой рюмки сразу же начинались разговоры про войну, бомбёжки и обстрелы, присоединит ли их к себе Россия. А если присоединит, то когда? Миха, переживший смерть родных людей и своими руками убивший брата, в такие разговоры не вступал. Он замыкался, что, конечно, вызывало удивление и непонимание со стороны сослуживцев.

После одной из таких посиделок он, изрядно выпивший, увязался провожать кладовщицу Клаву. Как результат – проснулся утром в её постели. Клава была на три года старше Вовки. В самом начале войны у неё погиб муж, и она осталась с пятилетним сыном на руках. И хотя женщина была доброй, нежной и ласковой, готовой идти с ним по жизни, – любви у них не получилось. Ей, конечно, хотелось серьёзных отношений, но парень считал, что связывать себя по рукам и ногам штампом в паспорте с нелюбимым человеком и тем более брать ответственность за чужого ребёнка не стоит. Правда, молодость своё брала, да и жизнь вокруг была уж очень зыбкой, поэтому они пусть и изредка, всё-таки встречались.

Отсутствие друзей тяготило Миху, он часто вспоминал боевых товарищей, хотелось узнать, как они там, но возможности встретиться не было. И вот вчера, выходя из автобуса, он нос к носу столкнулся с Генкой Дроздовым, носившим позывной Птица. Птица был одет в новенький камуфляж с сержантскими погонами. Узнав Вовку, он в улыбке растянул до ушей рот и обнял его. На радостях парни решили отметить встречу. Купив бутылку водки и на закуску сыра и колбасы, они отправились в общежитие к Михайлову.

Новостей было много. Генка поведал, что их батальон влился в состав Первого армейского корпуса, и теперь они не ополченцы, а солдаты. Рассказал, кто из ребят уволился, кто был ранен, кто пошёл на повышение. А потом, потемнев лицом, произнёс: «Давай, Миха, помянем ротного, настоящий был мужик, Царство ему небесное...» «Как помянем?» – вырвалось у Вовки. «Нашли его позавчера убитым в “зелёнке” в десяти километрах от Донецка. Тело нашли, а машины нет. Нам недавно в роту волонтёры из Ростова “Ниву” пригнали. Она хоть и не новая, но в хорошем состоянии. Камуфляжного цвета, пробег всего-ничего. Он на ней ездил в штаб. Из-за машины скорее всего убили, суки... из автомата четыре пули в грудь... – Генка заскрежетал зубами. – Пацаны говорят: узнаем, кто – на куски порвём гадов». Хорошее настроение мгновенно испарилось. Они молча помянули Коменданта, допили водку и, обменявшись телефонными номерами, разошлись.

Убийство ротного потрясло Михайлова до глубины души. «Как же так, – думал он, – битый жизнью мужик, на фронте с самого первого дня войны, бывавший много раз в различных переделках, а погиб от бандитской пули».

На следующее утро, приехав на работу, он обнаружил на разборке «Ниву» камуфляжного цвета. Рядом стояли его напарник Егорыч и бригадир Витёк. Вспомнив рассказ Генки, парень почувствовал в душе какую-то смутную тревогу. «Вечером этой машины не было. Значит, пригнали ночью, чтобы поменьше видели, – промелькнула мысль. – Вполне может быть, что это та, на которой ехал Комендант. Что ты сразу о плохом, может, совпало так. Успокойся, чего в жизни не бывает». Но тревога не проходила.

Бригадир, увидев его, сверкнув золотой фиксой, произнёс: «Значит, так, Миха, ты снаружи разбираешь, а Егорыч – внутри. Работа срочная. Чем быстрее справитесь, тем больше получите...» После слов Витька о срочности работы тревога в Вовкиной душе только усилилась. Переодевшись в спецовку, он спустился в яму и начал откручивать гайки крепления кардана. Гайки были намертво прикипевшие; чтобы сорвать их с места, требовались большие усилия, и парень через какое-то время забылся и успокоился.

Но где-то перед обедом работавший молчком напарник вдруг произнёс: «Глянь, что нашёл...» Выбравшись из ямы, Михайлов увидел у него в руках изготовленную из латунной гильзы для охотничьего ружья зажигалку. Ещё толком не осознав, что это значит, парень сразу же узнал зажигалку ротного. Да что там узнал, он наизусть, как и большинство ополченцев в роте, много раз слышал историю этой вещи. Сергею Павловичу её подарил Алексей. Он был сирота, пришёл в общагу из детдома и коменданта, который по-отечески опекал его, называл батей. Тот подарком очень дорожил, хвалился, что Лёшка изготовил её собственными руками. Но главное – это была единственная память о нём, так как в самом начале войны Алексей, записавшись в ополчение, погиб от пули снайпера. «Надо же, на ней что-то написано...» – повертев в руках вещь, сказал Егорыч. Протерев платком очки, он прочёл: «Бате на память от Лёхи».

Кровь ударила в голову Михе: «Не подавай виду, что тебе знакома зажигалка, а то можешь спугнуть их... Наверняка Витёк как минимум знает, кто убил Коменданта, а может, и сам в этом участвовал... Нужно срочно позвонить Птице!» Он уже раскрыл рот, чтобы ответить напарнику, как в гараж вошёл бригадир. «Вот нашёл в машине, между сидений завалилась», – показал ему находку слесарь. Витёк на мгновение изменился в лице, в его глазах мелькнули то ли испуг, то ли растерянность. Но это было лишь мгновение, он, тут же справившись с собой, протянув руку, произнёс: «Давай я отдам хозяину». Спрятав в карман зажигалку, он спросил: «Ну, как идут дела?» «Не знаю, как у Егорыча, а у меня гайки все прикипевшие, тяжело поддаются. Сегодня не успею», – стараясь не смотреть в глаза бригадира, ответил Вовка. «Тормознёшься после смены. Фирма вдвойне заплатит», – произнёс тот. «Да я хоть до утра, только в магазин сгоняю за жратвой», – согласился Михайлов. «Какой “базар”? Хоть в два магазина, но тачку разобрать – кровь из носа...» – довольный покладистостью слесаря, ухмыльнулся Витёк.

Через десять минут Миха, будто бы отлучившись по нужде, звонил Генке. Тот долго не отвечал. Парень, оглядываясь по сторонам, нервничал. Когда бывший однополчанин наконец ответил, Вовка, понизив голос, произнёс: «Новости есть по ротному. Нужно срочно встретиться. Ты смог бы в два часа дня подъехать к торговому центру “Петровский”?» Генка долго с кем-то советовался и наконец ответил: «Буду в два у входа...»

Спросив напарника, что ему купить на ужин, Вовка поехал в магазин. Закупившись, он ровно в два курил у главного входа, между делом разглядывая входивших и выходивших из торгового центра девушек и молодых женщин. Он так увлёкся этим, что не заметил, как подошёл Птица. Поздоровавшись, тот сказал: «Нечего тут отсвечивать. Пойдём в машину».

В армейском «уазике» на водительском месте сидел крепкий мужчина с волевым лицом. «Знакомься, наш командир разведвзвода Леший, – представил его Генка. – Тут лишних ушей нет. Что случилось?» Миха вкратце рассказал про «Ниву» и зажигалку. Военные слушали его, не перебивая. Когда он закончил, то Леший, криво усмехнувшись, произнёс: «Витёк, говоришь... А как нам найти этого Витька?» «Да что его искать? В сервисе он почти всё время. Серебристый “Опель-кадет” стоит у гаража», – ответил Миха. На секунду задумавшись, командир сказал: «Значит, сделаем так; сейчас ты нам покажешь, где ваша контора. И на этом твоё участие закончено. Главное, не лезь на рожон, не подавай виду, что что-то знаешь, и язык держи за зубами. И ещё, пару-тройку дней не оставайся один. Ты нам очень помог. А теперь рассказывай, куда ехать». Показав, где располагается автосервис, парень, попросив, чтобы

его высадили на автобусной остановке, через десять минут с пакетом продуктов вернулся на работу.

«Ниву» успели разобрать до наступления комендантского часа. Так как запчасти хранились на складе, то задержалась и Клава. Вовка поехал ночевать к ней.

Глава 3

БЕЗРАБОТНЫЙ

Утром следующего дня не вышел на работу бригадир. Правда, такое бывало и раньше, но, когда он не приехал и к обеду, мастер Николай Сергеевич беспокоился и стал названивать ему, а потом директору. Телефоны того и другого были недоступны. До конца рабочего дня никто из них не появился, не ответил на звонки. Следующую ночь, к радости Клавы, парень опять провёл с ней.

А наутро, когда они с кладовщицей, не выспавшиеся и не совсем ещё отошедшие от любовных утех, приехали на работу, то увидели там две пожарные машины и кучу посторонних людей. Здесь же находились мастер, бухгалтер и слесари. Все три ремонтных бокса и склад были открыты настежь, и из них валил не то дым, не то пар. От запаха гари першило в горле. Люди, стоявшие вокруг, удивлялись тому, как могли загореться одновременно четыре гаража. Пытавшиеся дозвониться до директора и бригадира мастер и бухгалтерша слышали бесстрастный голос телефонной «барышни»: «Извините, но абонент недоступен». Находившийся здесь же дознаватель опрашивал сотрудников автосервиса и сторожа на предмет, кто что видел и кто где был сегодня ночью. Вовка, догадавшийся, чьих рук пожар, только сейчас в полной мере оценил совет Лешего «не оставаться одному пару-тройку дней». Отвечая на вопросы дознавателя, он постоянно ссылаясь на Клаву. Та, слово в слово, подтвердила его показания, и он, подписав протокол, уехал домой. Больше Миха в автосервисе не появлялся.

Несколько раз звонила Клава, рассказывала, что директор и бригадир бесследно пропали. Настойчиво приглашала в гости, но Вовку к ней не тянуло, и он, боясь её обидеть, выкручивался и выдумывал причины, почему не может приехать. Та, видимо, отчаявшись, прибегла к последнему доводу, сказав, что мастер Николай Сергеевич решил закрыть автосервис и расчитаться с рабочими. Она получила за него зарплату, и в любое время можно забрать её. Сколько он будет искать новую работу, знал только господь бог. Так что деньги были нужны, и Вовка поехал.

Несмотря на то, что было семь часов вечера и сын должен был быть дома – женщина находилась одна. «А сынишка где?» – спросил парень. «Я его сестре отвела, чтоб нам не мешал. Раздевайся, пойдём в комнату...» – кокетливо поправив причёску, ответила Клава. Миха, намеревавшийся только забрать деньги, заметив этот жест, как будто проснувшись, оглядел её. Белая блузка, две верхние пуговицы которой были вызывающе расстёгнуты, гармонично контрастировала с загорелой кожей, а пёстрая расклешённая юбка и умело наложенный на лицо макияж, смеющиеся карие глаза делали её похожей на цыганку или сербиянку – в общем, на темпераментную южную женщину. «Что, нравлюсь?» – крутанувшись так, что юбка, поднявшись, обнажила стройные ноги, – засмеялась Клава. «Ты как на праздник нарядилась», – сдерживая себя, выдохнул Вовка. «А для меня твой приход всегда праздник», – прошептала женщина, и, помогая снять куртку, нарочито прижалась к нему горячим гибким телом. Задышавшись от накалившей волны страстного желания, подхватив на руки, Миха, не разуваясь, понёс её в спальню.

Отдышавшись, они долго молча лежали на кровати, думая каждый о своём. Неожиданно, нарушив тишину, хозяйка, подскочив, вскрикнула: «Что ж мы лежим, там же пельмени стынут!» «Так же нельзя! Ты меня зайкой сделаешь, – подпрыгнув следом за ней, испуганно закричал парень: – А что, за сыном ты не пойдёшь?» «Нет. Сегодня наша ночь. Его утром сестра сама в садик отведёт...»

Перед тем, как приступить к трапезе, Клава, понарошку сердясь, выговаривала Вовке: «Ну вот я для него старалась – наводила марафет, а он, не оценив этого, набросился, как голодный на жареную курицу». Только после того, как она привела в порядок причёску и макияж, надела блузку, юбку, колготки, они чинно сели за стол. Миха, наблюдая за ней, думал: «Ну что тебе ещё нужно? Женщина готова для тебя вывернуться наизнанку... Она же любит тебя, идиот... Ну и что, что у неё ребёнок... Смотри, как тебе хорошо с ней... – и тут же кто-то второй, сидевший у него внутри, ехидно возразил: – Ты же ничего не знаешь о ней. Это она сейчас такая ласковая, а как захомутает, по-другому запоёт. Да и не любишь ты её... Признайся, не криви душой, ведь не любишь?»

Пельмени пришлось разогреть, но под водочку они пошли на «ура». Выпив пару рюмок, Клава рассказала парню все последние новости. По её словам бригадир Витёк и директор пропали бесследно. Но в народе ходили упорные слухи, что они, боясь преследования за свои тёмные дела, перебежали за линию фронта. Мастеру не оставалось ничего другого, как, закрыв контору, рассчитаться с работниками. Что он и сделал.

После третьей рюмки, изрядно захмелев, хозяйка сказала: «Но мне, хоть я и лишилась работы, всё это на руку». «Почему?» – спросил гость. «Да потому, что мы с тобой можем свободно встречаться». «Интересно. А кто нам раньше мешал?» «Витёк. Он догадывался, что ты бываешь у меня, и грозился убить». «Ещё интереснее. У тебя что-то с ним было?» «Один раз», – не вдаваясь в подробности, ответила Клава.

Затем она резко сменила тему и, глядя на гостя ласковыми глазами, произнесла: «Вов, разве тебе плохо со мной? Я же не требую, чтобы ты на мне женился, я только прошу: не бросай меня. Можешь приходить в любое время, я всегда тебе буду рада...» Не зная, что ответить, парень промолчал.

Потом они ещё не единожды тонули в омуте страсти. Пили чай с тортом и говорили, говорили, говорили о разных пустяках. Когда обнявшись уснули, на востоке заалела заря.

Прошёл месяц. Как ни пытался найти подходящую работу Михайлов, это у него не получалось. На те немногие предприятия, что работали – устроиться было невозможно, а идти к кому-то в услужение, типа торговать на рынок, ему не хотелось. Клава, устроившаяся бухгалтером в жилконтору, говорила, что им нужны сантехники. От её предложений Миха отказывался, ссылаясь на то, что он в сантехнике ни бум-бум. Деньги ещё были, и он надеялся найти что-нибудь подходящее. И тут как снег на голову ему свалился Птица. Даже по телефону было заметно, что он радостный и весёлый; много балагурил, рассказал, что его назначили замком-взвода. Предложил встретиться и отметить это событие. Михайлов тут же согласился.

Генка приехал через час, затаренный под завязку выпивкой и закуской. В подробностях рассказав, как его назначили заместителем командира взвода разведки, он, опрокинув рюмку, поинтересовался, как дела у Вовки. Тот пожаловался, что после исчезновения руководителей его конторы и пожара в гаражах остался без работы, и найти новую пока не получается. Гость, выпив очередную рюмку, хмыкнув, поинтересовался, что народ говорит по поводу этих событий. «Да что народ говорит? Слухи ходят, что ребята много дел наделали и свалили на ту сторону. А перед тем, как сбежать, подпалили боксы. Так все говорят», – ответил Миха. «А ты сам что думаешь?» – лениво пережёвывая сыр, спросил Птица. «То, что я думаю, пусть при мне останется», – наливая рюмку, сказал хозяин.

Выпили ещё по одной. И тут Генку прорвало: «Правильно народ говорит. Свалили они, только не на ту сторону, а на последний горизонт шахты четыре “бис”... Знаешь шахту четыре “бис”? Семьсот метров ствол... Вот там они и лежат... рядышком. Небось уж крысы обглодали», – налив очередную рюмку, он произнёс: «Давай помянем ротного... Хороший был человек. Эти суки столько народа угробили. Мы, когда Витька вашего взяли и привезли на четыре “бис”, подвели к стволу и говорим: “Рассказывай, пададь, иначе полетишь вниз без парашюта”. Он обгадился, на колени упал, плачет: “Я всё расскажу”. Ну и выложил всё как на духу. Четверо

их было: он, дружок его, с кем он на зоне чалился, директор и ещё иуда один – Сивый, майор из соседнего батальона; он им “дорогу тропил”, чтобы они запчастями переправляли к “укропам”. Этот иуда и остановил машину Коменданта – они знакомы были. Тот вышел, ничего не подозревая, а его из кустов почти в упор из автомата. Но труп спрятать не успели – спугнул кто-то. Короче, бригадир твой адреса дал своих дружков. Мы их в ту же ночь и выловили... и всех на дно четыре “бис”. Хорошая могила семьсот метров».

Миха, потрясённый рассказом сослуживца, молчал. Птица, не предлагая хозяину, выпил и, подцепив вилкой кусок селёдки, спросил: «Ну что молчишь, жалко небось? Не жалеи. Они столько народу загубили, на два смертных приговора хватит... От всех машин, что ты разбил, трупным запахом прёт... Что заслужили, то и получили... Короче так – я тебе ничего не рассказывал, а ты ничего не слышал... Хотя я знаю, ты молчать умеешь... До сих пор все гадают, почему ты, посмотрев на родную хату, ушёл из ополчения... Вот загадка. Ладно, это меня не касается. Давай ещё по одной».

Выпив, Генка перевёл разговор на другую тему. Говорили о женщинах, о войне и мире. Потом он уже заплетающимся языком сказал Вовке: «А хочешь, я тебя к себе во взвод возьму? Нет, не хочешь... зря... Ну тогда есть ещё вариант – работа не бей лежачего – сигареты возить туда-сюда...» На этих словах он уснул. Вовка, положив его на свою койку, не раздеваясь, улёгся спать на соседнюю.

Проснувшись утром, Птица долго изучал окружающую обстановку. А затем, повернувшись к Михе, спросил: «Где мы?» «Ты что, забыл? В общежитии у меня», – ответил тот, хотя у самого изрядно болела голова. «Да, а похмелиться есть?» «Есть», – Вовка налил две рюмки. Выпив, Генка пришёл в почти нормальное состояние и, ковыряя вилкой в банке с килькой, осторожно спросил: «Я вчера ничего лишнего не говорил?» «Всё нормально. Выпили. Закусили. Ты пообещал меня пристроить на хорошую работу – туда-сюда возить сигареты...» «А-а-а, ну это можно, – ответил Птица, нанизывая на вилку солёный огурец. – Считаю, ты уже работаешь... сейчас позвоню...»

Глава 4

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

В этот же день, после обеда, Володя сидел в кабинете директора по сбыту табачной фабрики. Хозяину кабинета, крепкому мужчине с открытым волевым лицом и серыми отливающими стальным блеском глазами, одетому в армейский камуфляж, на вид было около пятидесяти лет. Назвавшись Степаном Николаевичем, он, внимательно оглядев Миху, произнёс: «Надеюсь, ты понимаешь, что устроиться к нам на работу непросто. Мы принимаем только проверенных и только по рекомендации. За тебя просили серьёзные люди, думаю, ты их не подведёшь. Работа простая: развозить по торговым точкам и заказчикам продукцию нашего предприятия. Но, учитывая нынешнюю беспокойную обстановку в республике, не буду скрывать – дело это опасное. И ещё, хочу сразу предупредить: оформить официально мы тебя не можем. Сам понимаешь, платить налоги нам невыгодно. Если согласен сотрудничать на таких условиях, то продолжим разговор, если нет, то – свободен». «А что я теряю?» – подумал парень, а вслух произнёс: «Я согласен». «Ну, тогда слушай дальше. Работать будешь в бригаде из трёх человек. Вернее, это даже не бригада, а экипаж машины боевой, – засмеявшись, сказал Степан Николаевич, – УАЗ-“буханка”, а в ней водитель, старший машины и ты. Кстати, автомобиль умеешь водить? Умеешь... Это хорошо... А права есть? Нет... Ну, это не беда, права мы тебе сделаем. Иногда бывает нужно подменить шофёра, а подменить нечем. Развозим мы свою продукцию не только по своей республике, но и по соседней, а иногда даже поставляем в Россию. Зарплата зависит от выполненных заказов. Платим наличными еженедельно. Рабочий день ненормирован, иногда придётся работать и ночью. Невыход на работу без уважительной

причины – увольнение. Начнёшь “качать права”, разглашать коммерческие тайны – увольнение. Вот такие у нас правила. Да, и ещё, подчиняешься только мне и старшему. На сегодня всё. Завтра утром приходи к девяти, познакомлю с экипажем».

На следующий день Вовка ровно в девять утра вошёл в кабинет Степана Николаевича. Там было накурено и, кроме хозяина, находился ещё один человек – спортивного сложения мужчина с короткой стрижкой, розовым шрамом от брови до уха на левой щеке и потухшими глазами непонятного цвета. Такие глаза Миха неоднократно видел у людей, потерявших на войне родных и близких. Возможно, и у него самого были такие глаза, просто никто ему об этом не говорил. Одет мужчина был так же, как и хозяин кабинета, – в военную форму. Увидев Михайлова, они, оживлённо беседовавшие, на полуслове прекратили разговор. Директор, кивком указав на вошедшего, представил его своему собеседнику: «Анатолий, ты просил помощника. Вот он – новый член твоего экипажа Владимир Михайлов. Володя, а это – твой непосредственный начальник Анатолий Линьков. Я думаю, вы сработаетесь, тем более, что оба воевали».

Критически оглядев Вовку с ног до головы, Линьков произнёс: «Николаич, парня нужно переодеть в камуфляж. Человеку в форме больше доверяют и меньше задают вопросов». «Да это не проблема. На складе есть несколько комплектов. Ты какие размеры одежды-обуви носишь?» Услышав ответ, он тут же позвонил на склад. Через полчаса Михайлов, одетый в военную форму, предстал перед Анатолием. «Ну вот, теперь видно, что ты служивый человек. Какой позывной носил?» «Миха!» «А я – Линь, или Толян. А его Русланом кличут, можно Монголом называть, он не обидится. Человек надёжный, хоть и не воевал», – кивнув на сидевшего за рулём смуглого, широкоскулого парня, произнёс старший. Под завязку загрузив УАЗ коробками сигарет различных марок, они поехали развозить их по торговым точкам.

Первыми по списку числились продовольственные рынки и уже потом отдельные киоски и забегаловки. Схема была, видимо, давно отработана и не давала сбоев. Анатолий давал Вовке накладную, тот, согласно документу, грузил в пустую коробку блоки сигарет. Сдав товар и получив деньги, возвращались в машину. Всем, кто просил в долг, – отказывали. Если это была молодая красивая женщина, то Линь то ли в шутку, то ли всерьёз говорил, что у женщины всегда есть чем заплатить. Но желающих рассчитаться таким образом не было, посему и просили в долг редко. Скорее всего, только те, кто не знал ответа.

Молодые и не очень, симпатичные и дурнушки, одинокие и замужние – все женщины с нескрываемым интересом, кто исподтишка, кто в открытую, рассматривали Мihu. Некоторые самые бойкие из них игриво интересовались его семейным положением. «Свободен он, как вольный ветер. Не теряйтесь, налетайте, девчонки», – посмеиваясь, вместо помощника отвечал Толян. Вовка тоже рассматривал женщин, некоторые ему нравились. Самое удивительное, что Анатолий помнил всех по именам. Подмигивая Михайлову, он говорил: «Никогда не путай имена баб, и ты всегда будешь сыт, пьян и нос в табаке».

Когда заканчивались сигареты, то ехали на фабрику за новой партией. Старший сдавал деньги и получал новые накладные и товар. Денег было много. Толян складывал их в саквояж, похожий на инкассаторский мешок. Закрывался он на специальный цифровой замок. В первый же день Миха спросил, не боится ли старшой, что у него отнимут деньги? Тот, окинув его внимательным взглядом, ответил: «Пусть попробуют...» И, задрав рубаху, показал торчащий за поясом пистолет «ТТ».

В общем, к концу первого рабочего дня Вовка уже самостоятельно справлялся со своими обязанностями. Единственное, что раздражало его, – это бесчисленное мелькание лиц, киосков и торговых точек. Успокаивая себя, он думал: «Работа как работа, не хуже других. А что, тебе кто-то лучше предлагал? Хочешь лучше найти, езжай в Россию». Но никуда уезжать ему не хотелось. Его родина, могилы близких и родных были здесь, на Донбассе. Вдыхая, он думал: «Терпи, со временем всё устаканится».

Следующие три дня экипаж в таком же темпе мотался по городу, насыщая торговые точки сигаретами. Михайлов, за эти дни, даже запомнил имена многих понравившихся ему продавщиц. За что заработал похвалу от старшего.

На пятый день Толян, утром побывав в кабинете директора, подмигнув членам экипажа, сказал: «Так, орлы, сегодня едем в город-герой Горловку, пришёл оттуда крупный заказ. А вечером Николаич пообещал выдать зарплату». Ещё раз подмигнув, на этот раз Мухе, он добавил: «У кого она первая, с того причитается “поляна”...».

Битком набив «буханку» коробками сигарет «Мальборо», они почему-то поехали совсем в другую сторону от выезда на Горловку. Вовку подмывало спросить, куда они едут, но видя, что молчит старший, промолчал и он.

Покружив по городской окраине, УАЗ оказался на территории гаражного кооператива. Несколько сотен гаражей создавали впечатление, что в городе нет других строений, кроме этих серых бетонных коробок. Потеряться среди них было легко и просто, но водитель, видимо не впервые бывавший здесь, уверенно пропетляв по узеньким проулочкам, остановился у гаража с обшарпанной металлической дверью. Выбравшись из машины, Линь, поковырявшись в замке, открыл её.

Через несколько минут он вышел с двумя автоматами Калашникова. Один протянув Мухе, сказал: «Это тебе...». «Зачем?» – спросил тот. «Затем, что за городом много нечисти бродит. Там и на “укропов” можно нарваться, и на мародёров...» Парень, не державший оружие в руках больше года, взяв «калаш», привычно отсоединил магазин и подбросил его на ладони. Магазин был тяжёлый, что означало наличие в нём патронов.

До города-героя было не так далеко – около шестидесяти километров, но ехали они почти два часа. Асфальтированная дорога, когда-то похожая на гладкую чёрную ленту, давно потеряв свой лоск, была вся в рытвинах и ямах. Несмотря на белый день, встречные, а тем более попутные машины попадались крайне редко. В притулившихся к шахтам посёлках, расположенных на пути, стояли разрушенные войной жилые дома, бродили стаи бездомных собак и почти не видно было людей.

На въезде в город их остановили. Взяв накладные и блок сигарет, старший вышел из машины. Когда его попросили зайти вовнутрь помещения, Михайлов заметил, что напрягся Руслан. Но ничего не произошло – Анатолий вскоре вышел, но уже без сигарет.

Обмен товара на деньги произвели на территории какого-то заброшенного предприятия, куда заказчики прибыли почти на такой же «буханке». Открыв задние двери, машины максимально сблизилась друг с другом. Перегрузка товара из одной в другую заняла не более десяти минут. Получив деньги, разъехались.

У блок-поста, где их остановили утром, Анатолий приветливо помахал рукой стоящему с автоматом солдату. Тот, улыбнувшись, махнул: «Проезжай...»

Дорога, как и утром, была пустынна. Уже у самого города, когда они ехали мимо дачного посёлка, Руслан произнёс: «Толян, смотри, какие-то чудики...» Дремавший до того старший, встряхнувшись, увидел трёх мужиков, бегущих им наперерез из близлежащей дачи. Они, размахивая руками, что-то кричали, видимо, просили остановиться. «Жми на всю железку!» – доставая из-под сиденья автомат, приказал он водителю. Затем, повернувшись к Мухе, добавил – «Ну, а ты что сидишь? Доставай “калаш”, сейчас отстреливаться будем...» Тот, потянувшись, вытащив из-под лавки автомат, и передёрнул затвор. «Значит, так, возьми их на прицел и сам не стреляй, пока они не начнут...» «Да у них и оружия не видно», – ответил тот. «Ну да, не видно... небось у каждого за поясом “пушка”. Да и гранаты наверняка есть. Так что не расслабляйся...» Отодвинув в сторону половинку бокового окна, Вовка выставил ствол «калаша». То же сделал и Анатолий.

Бежавшие наперерез люди были метрах в ста от машины. Увидев, что «буханка» не собирается останавливаться, один из них, став на колено и зажав в двух руках пистолет, открыл

огонь. «Это мародёры!» – крикнул Линь и нажал на спуск. Следом за ним начал стрелять Миха. Не ожидавшие отпора мародёры попадали на землю. «Жми, жми, не останавливайся!» – осклалившись, кричал на Руслана старший. Автомат в его руках безостановочно трясся и дёргался будто припадочный. Упавшие на землю мужики лежали без движения. Мертвы или живы были эти люди, ехавших в машине особо неинтересовало. Главное, что они сумели отбиться и не пострадали сами.

Зарплату выдавал лично директор по сбыту. За неделю Миха заработал больше, чем за месяц в автосервисе. Он хотел высказать удивление, но его опередил Линь: «Николаич, мы у Ашота соберёмся. Традиция – новичок обязан накрыть “поляну”. Зайдёшь?» «Освобожусь, зайду...» «Ну и ладушки... Мы ждём. Пошли, мужики».

Кафе «У Ашота» находилось в пятистах метрах от проходной табачной фабрики. Владелец его армянин по имени Ашот, занесённый на Донбасс ветром советского интернационализма, всегда чувствовал себя очень комфортно в гостеприимном шахтёрском городе. Тысячи цветущих роз на улицах напоминали Ереван, а широта души русских людей, населявших город, позволяла Ашоту иметь хорошие прибыли. Шахтёры были щедры и гостеприимны. Они никогда не мелочились, не просили сдачу, не обзывали его армяшкой.

Когда Толян со своим экипажем зашёл в кафе, хозяин, повесив на входную дверь табличку с надписью «Закрыто», попросил клиентов покинуть заведение. Клиентов было трое: подросток с девочкой, различить со спины которых, где он, а где она, было невозможно, так как оба имели длинные волосы, тощие задницы и носили одинаковые джинсы. И водитель фуры, привёзший из Азербайджана на фабрику табачный лист. Водитель, битый не раз жизнью, моментально сообразив, что лучше остаться голодным, чем качать права, поспешно допил компот и, завернув в салфетку недоеденный шашлык, расплатившись, исчез. Подростка же, пытавшегося возмущаться, почувствовав женским наитием, что лучше уйти, утащила за собой девочка.

«Ашот, на четверых... Как обычно», – усаживаясь за столик, произнёс старший. Армянин скрылся на кухне и через пять минут вышел с подносом, на котором стояла литровая бутылка армянского коньяка, четыре коньячных бокала и тарелка с нарезкой нескольких сортов твёрдого сыра. «Долма будет чуть позже», – составляя с подноса посуду, сказал хозяин заведения.

Глядя на угощение, Миха думал, что как минимум половина зарплаты уйдёт на ужин. Но Линь, заметив его скучное лицо, похлопав по плечу, произнёс: «Не переживай – мы тебя попукали. Всё за счёт заведения. Он нам вечно должен – под нашей “крышей” живёт». Почти сразу же, как Ашот расставил тарелки, распахнулась дверь, и в помещение вошёл директор по сбыту табачной фабрики. Одетый в камуфляж, слегка прихрамывая на правую ногу, он прошёл через весь зал и, усевшись на свободный стул, произнёс: «Ну что, начнём?» Не услышав возражения от сидевших за столом, продолжил: «Сегодня наши ряды пополнил ещё один боец за свободу республики. Миха получил отличные рекомендации и замечательно выдержал испытательный срок. Посему выпьем за наше братство и нашу победу! За наших товарищей, отдавших жизнь за то, чтобы мы стали частью России! Выпьем стоя!» Опрокинув бокал, он сказал: «Извините, ребята, дела. Я пойду. Всё остальное вы ему расскажите сами...» Дружески обняв Миху, он, прихрамывая, ушёл...

В кафе несколько минут висела тишина. Первым нарушил её Линь: «Легендарная личность. Они с Батей под Дебальцево спина спиной стояли. С тех пор братья». «С каким батей?» – спросил Миха. «Да у нас один Батя... Короче, чтобы ты понял всё до конца. У Николаича позывной Лука, звание подполковник, прошёл две чеченских и на Донбассе с первых дней воюет. Ранили под Дебальцево – остался без ступни. Но продолжает воевать. Все деньги, что мы собираем, идут на оружие, обмундирование, помощь вдовам и сиротам. Ты эту неделю проходил проверку. К тебе присматривались, испытывали. Теперь ты наш. Но запомни – назад

хода нет! Я хорошо знаю Луку, вместе в Иловайском котле “укроп” варили. Он слов на ветер не бросает». «А что оружие нельзя купить легально?» – спросил Миха. Посмотрев на него, Анатолий, усмехнувшись, ответил: «Как ты его легально купишь у “укропов”? А за деньги они мать родную продадут, не только оружие. Короче, давайте помянем наших боевых товарищей и выпьем за удачу. Ашот, где наша долма?» Дождавшись долмы – голубцов, завернутых в виноградные листья, они, молча допив коньяк, разошлись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.